

РЕЦЕНЗИИ

В.Е. Головчинер

Томский государственный педагогический университет

Чехов – неисчерпаем...

Чехов и время: сб. статей / ред. Е.Г. Новикова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 334 с. (Русская классика: исследования и материалы; вып. 7): ил.

Аннотация: В рецензии представлен сборник статей «Чехов и время» (Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011), собранный кафедрой русской и зарубежной литературы филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета. В сборнике приняли участие немецкие слависты и известные российские ученые. В рецензии подчеркивается, что творчество писателя представлено в сборнике в широком контексте мировой культуры и литературы; отдельный раздел посвящен проблемам регионального сибирского восприятия наследия Чехова.

The abstract introduces readers to the set of articles «Chekhov and Times» (Tomsk State University Press) compiled by the Department of Russian and Foreign Literature, Philological Faculty of National Research Tomsk State University. German and Russian scholars were working in the topic content. The review underlines the broad context of the world culture and literature within which writer's creative work is discussed; a chapter is dedicated to the issues of Chekhov's work reception in Siberian region.

Ключевые слова: Чехов, сибирская культура, пространство, время, контекст. Chekhov, Siberian culture, space, time, context.

УДК: 821.

Контактная информация: Томск, ул. Карла Ильмера, 15/1. ТГПУ, историко-филологический факультет. Тел. (3822) 621747. E-mail: golovchiner@mail.ru.

Количество мероприятий, проведенных в дни 150-летия со дня рождения А.П. Чехова в разных местах Земли, не поддается учету. И Томск не остался в стороне: кафедра русской и зарубежной литературы филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (далее – Томский государственный университет) провела научную конференцию, доклады которой легли в основание рецензируемого сборника статей – 7-го выпуска из продолжающегося проекта кафедры «Русская классика: исследования и материалы». Томск имел на празднование юбилея особое право. В кругосветном, по сути, путешествии¹ город был запланирован сразу, обозначен в письмах нескольким адресатам как особый пункт и потом отмечен в письмах и одним из

© В.Е. Головчинер

¹ Он сам пишет одному из корреспондентов в апреле 1890 г.: «Маршрут мой таков: Нижний, Пермь, Тюмень, Томск, Иркутск, вниз по Амуру до Николаевска, два месяца на Сахалине, Нагасаки, Шанхай, Ханькоу, Манилла, Сингапур, Мадрас, Коломбо (на Цейлоне), Аден, Порт-Саид, Константинополь, Одесса, Москва, Питер». «И это поездка на Сахалин?» – задает вопрос цитирующая это письмо (с. 293) Е.Г. Новикова в своей интереснейшей по концепции статье «Томск в кругосветном путешествии А.П. Чехова».

очерков особенно сильными впечатлениями – прежде всего, описанием экстремальной переправы через Томь, а также вида ссыльных в городе. Томск остался в памяти «экзистенциальными ситуациями существования на грани жизни и смерти, сыграл, возможно, свою роль на пути писателя к аду и роль своеобразного “чистилища”» (с. 309), – так поняла значение томских впечатлений писателя организатор конференции и редактор представляемого сборника профессор Е.Г. Новикова.

Ее статья, как и большая часть публикаций, интерпретирующих сибирские впечатления Чехова в разных его текстах и разного рода тексты о восприятии Чехова в Томске и в Сибири в целом, помещена в завершающей части сборника. К этим материалам мы вернемся, следуя логике их расположения, а сначала представим те, которыми он открывается.

Часть I обозначена просто и емко – «Чехов». В ней собраны статьи, представляющие самые широкие и общие аспекты творчества писателя, позволяющие выйти к проблемам осмысления природы художественного творчества вообще – природы воображения, меры и формы вымысла, возможностей его выражения. *Петер Гартен* (Бамберг, Германия) обнаружил серьезные основания говорить о масочности целого ряда героев Чехова, представил свое исследование «минимасок», восходящих к претекстам мировой культуры, по-настоящему не замеченных в чеховедении. Так, персона, роль, маска героя получают совершенно новые аспекты и глубину понимания в контексте его исследования локуса театра «Аркадия» как модели маскарада, обмана («Смерть чиновника»). Остроумно, т.е. и *остро*, и тонко, и *умно* в анализе представлены маски Дон-Кихота в образе студента Васильева («Припадок»), Фауста – в студенте Нюхине («О вреде табака»). Интересна в статье работа ученого не только по обнаружению в произведениях Чехова следов разных претекстов, исследование их трансформации, но и перспективы осознания чеховского творчества, обобщения, связывающие прошлое, настоящее и будущее культуры.

Элизабет фон Эрдманн (Отто-Фридрих университет, Бамберг, Германия) подошла к проблеме вымысла в чеховском творчестве с другой стороны. Ее интересовали *границы пересечения* в нем в самом широком плане: «Между воображением и действительностью». Ее анализ текстов писателя позволяет увидеть, как в субъективную реальность героев «точечно» (с. 43) вводятся мифологические архетипы, причем эти архетипы остаются «невредимыми и недостижимыми», сохраняя свою способность одухотворять реальность, наполнять ее смыслом, а реальность от этого сопоставления становится «ущербной и безотрадной». Особенно значимыми в поэтике Чехова, полагает исследователь, стратегии неоплатонической и христианской традиции. Своеобразное подтверждение убедительности выделения первой стратегии можно найти в статье томского ученого *А.С. Янушкевича* «Генеалогия одного чеховского героя: Платонов и русский платонизм»: он обнаружил широкий ряд предшественников Чехова в русской литературе, обращавшихся к теме Платона, так или иначе выразивших интерес к идеалистической философии, а также настойчивость самого писателя смолоду «запрятавшаго» в текстах своих произведениях «платоновский текст» (с. 91). Возвращаясь к статье Элизабет фон Эрдманн, хочется отметить чрезвычайно интересное, замеченное ей сближение функций героя и читателя у Чехова: в их сознании переживаются мимолетно открывающиеся им мгновения *пересечения*, осознаются соприкосновения разных реальностей (с. 43–44). Это, в том числе, дает ей основание размышлять о том, что «писатель позиционирован в пограничном пространстве между импрессионизмом и символизмом, однако в отличие от символистов никогда не закрепляет какое бы то ни было соотношение между материальным

и духовным мирами, но постоянно поддерживает иллюзию свободы, непредсказуемости и неподконтрольности их встречи и разминовения»¹ (с. 46).

А. С. Собенников (Иркутский государственный университет) сделал предметом анализа нечасто попадающую в поле зрения исследователей повесть Чехова «Три года». Этот анализ позволил ему выйти к более общим размышлениям о том, что у Чехова лишен социальной окраски мотив сиротства, что счастье и несчастье его героев не зависят от материального положения, социального статуса, состояния здоровья, и что единственной детерминантой становится время в его экклезиастической традиции» (с. 81), и что главным оказывается не отражение жизни в традиционно-«реалистическом» понимании, а воспроизведение самой ее бытийности: бытие, обретение героем экзистенциального опыта (знания) становится главным сюжетным событием (с. 83).

Об особом, нетрадиционном, решении коллизии «своего» и «чужого» на материале «Дома с мезонином», «Попрыгуньи», «Крыжовника», «Дуэли», «Черного монаха» пишет *С.В. Савинков* (Воронежский государственный педагогический университет), о вариантах сюжетной ситуации ухода в творчестве Чехова размышляет *А.А. Богодерова* (Новосибирский государственный педагогический университет); композицию повести Чехова «Дуэль» в ценностном аспекте анализирует *А.А. Казаков* (Томский государственный университет).

В *Части II. Чехов и Время* представлены статьи, посвященные позиции, творчеству писателя в широком контексте мировой культуры и литературы. Открывает эту часть упоминавшаяся статья *А.С. Янушкевича* (Томский государственный университет), и выяснение генеалогии образа Платонова из первого драматургического опыта писателя вырастает в размышление о литературно-философской стратегии русского платонизма. В связи с этой стратегией по-новому прочитывается множество персонажей, фрагментов известных и малоизвестных произведений русской литературы XVIII – начала XX вв., а также самого Чехова. Платоновский подтекст осознается как поведенческий текст чеховского героя, его идеализм интерпретируется как «экзистенциальный, ибо за ним стоит выбор и поиск своего места в жизни и модели своего поведения» (с. 96), а «первая пьеса – как зерно концепции героя, носителя идей платоновской философии, в их соотношении с реалиями и материей современной жизни» (с. 97).

Статья *Э.М. Жиляковой* (Томский государственный университет) «“Поэзия, вышитая на прозе” (“У двери” Я.П. Полонского и “Счастье” А.П. Чехова)» открывает новые аспекты названного рассказа писателя в контексте своеобразной «эпистолярной дискуссии», развернувшейся между А.А. Фетом и В.Я. Полонским в конце 1880-х – начале 1890-х гг. по поводу реального и идеального в художественном творчестве. Проблеме интеллектуального диалога Чехова и Сухово-Кобылина в контексте размышлений о пародиях в науке посвятила статью *Е.Н. Пенская* (Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва); Чехова в контексте полемики о Чарльзе Дарвине представила *Н.Г. Михновец* (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург); в близком направлении – о реминисценциях эволюционного учения в пьесах «Чайка» и «Дядя Ваня» – написал *Даниэль Шюманн* (Бохум, Германия).

Статьей *Т.Л. Рыбальченко* (Томский государственный университет) «“Палата № 6” А.П. Чехова как предтеча “палат №...” в русской прозе второй половины XX века» начинается ряд публикаций о разных семантических проекциях чеховских текстов в литературе XX века. Т.Л. Рыбальченко представила соотношение материала, сюжетных ситуаций, персонажей названной чеховской повести с соответствующими моментами романов М. Харитоновой («Линии судьбы, или Сундучок

¹ Культуру и адекватность переводов статей немецких коллег обеспечила профессор О.Б. Лебедева.

Милашевича»), В. Пелевина («Чапаев и Пустота»), А. Кима («Отец лес»), В. Максимова («Семь дней творения»), В. Пьецуха («Палата № 7»), З. Зиника («Лорд и егеря»); особое внимание она уделила соответствующим аспектам произведений В. Маканина. С.А. Кибальник (Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН) предложил свое видение более широкой и теоретической проблемы – типологии чеховской интертекстуальности в прозе русского экзистенциализма и постмодернизма на материале творчества Г. Газданова и В. Сорокина. Е.В. Селезнева (Национальный исследовательский Томский государственный политехнический университет) предложила интересный материал по восприятию творчества Чехова писателями блумсберийского кружка, сыгравшими заметную роль в истории английского модернизма в 1910 – 1920-е гг. (прежде всего, В. Вульф как наиболее значительной творческой личности среди них); они, как выявляется в статье, выделили у русского писателя черты, родственные их собственному художественному методу: «импрессионистическому», «экспериментальному», «психологическому» (с. 207). К близкому выводу приходит на другом материале – на материале «Лекций по русской литературе» В.В. Набокова – Е.В. Шваргрук (Национальный исследовательский Томский государственный политехнический университет): она обнаруживает, что при анализе чеховского творчества Набоков выбирает те аспекты, которые близки его собственным творческим установкам (с. 220).

Своеобразный прорыв к новым горизонтам чеховедения можно видеть в статье Н.Ж. Ветшевой (Томский государственный университет) «“Анна на шее” и “Анюта”: балетная транскрипция чеховского рассказа». В ней представлена, по сути, история музыкальных постановок по прозаическим произведениям Чехова, исследован интереснейший потенциал подобных интерпретаций, нарастающий в последние десятилетия интерес к прозе писателя, реализация его в самых причудливых формах: от классических до синтетических и предельно авангардных (с. 227); дан глубокий и тонкий анализ прочтения и рассказа «Анна на шее», и созданной в 1982 г. на его основе телебалетной версии «Анюта» на музыку В.А. Гаврилина (либреттист – А.А. Белинский, второй либреттист, постановщик и балетмейстер – В.В. Васильев).

Продолжением намечающейся линии *Чехов в современном искусстве* стали материалы О.С. Сулакишиной-Калининой (Томское региональное отделение Творческого Союза художников России) и Н.И. Грамолиной (Государственный мемориальный историко-художественный и природный музей-заповедник В.Д. Поленова, Тульская обл.) о посвященной Чехову скульптурной серии заслуженного художника России Леонтия Усова. Почти сорок лет он работает с деревом, чаще – с сибирским кедром: его работы выставляли многие столицы Европы, охотно принимали литературные музеи, демонстрируя его своеобразные решения образов А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А. Блока, И. Северянина и др. (здесь названы только русские, и из них далеко не все герои скульптора). Личности некоторых художников интересуют его особенно – среди них Гоголь, Чехов. Он снова и снова возвращается к ним, создает даже не портреты, а все новые скульптурные композиции, неожиданно сочетая известные детали, ракурсы, заполненное фактурой жизни – теплым деревом и семантически наполненные провалы *пустого* пространства. Он видит, ощущает возможности прихотливых линий древесной фактуры того или иного фрагмента стволов, пней для воплощения прочувствованного им фактического, биографического материала, творчества художника и того представления которое рождалось в его собственной творческой фантазии. По прежней своей профессии Л. Усов – актер и, может быть, это заставляет его искать все новые и новые, интересные ему самому и зрителям черты, штрихи, ракурсы, пластические, если можно так сказать, интонации увлекательного его своей личностью творца. Скульптор как будто вживается в образ, ищет и находит все новые и новые его проявления.

В сборнике опубликованы фотографии его скульптурных работ, посвященных Чехову. Фотограф может запечатлеть только один из ракурсов объемного образа, и эти единственные ракурсы двенадцати скульптурных композиций, посвященных Чехову, стали украшением сборника в самом прямом смысле этого слова. Эти фотографии представляют, хотя бы частично, восприятие современным художником личности и творчества Чехова.

Статьи *Части III. Чехов и пространство* посвящены осмыслению разных аспектов сибирской темы в текстах писателя. Очерки «Из Сибири», «Остров Сахалин» и путевые письма соответствующей поры *К.В. Анисимов* (Сибирский федеральный университет, Красноярск) осознал как переломное явление в долгой истории восходящих к XVIII художественных концептуализаций Сибири (с. 247). *В.С. Киселев* (Томский государственный университет) увидел в «Острове Сахалине» опыт изучения Чеховым эффективности каторжных методов колонизации Сахалина с точки зрения социально-экономической и гуманитарно-нравственной. С привлечением обширных материалов сибирских архивов, местной прессы о Чехове *Е.А. Макарова* (Томский государственный университет) поставила проблему диалога русско-европейского и регионального сознания; *Н.В. Жилякова* (Томский государственный университет) ввела в чеховедение три некролога из томских газет.

И, видимо, можно говорить об особом месте уже упоминавшейся статьи *Е.Г. Новиковой* в этой части сборника и томском юбилейном издании в целом: она нашла аргументы для осмысления особого значения Томска и томских впечатлений в чеховских текстах времени его кругосветного путешествия.

Думается, сборником «Чехов и время», объединившим труды ученых разных стран и городов, Томский государственный университет достойно отметил юбилей великого писателя.